ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И. ТЭНА И ПОЗИТИВИЗМ

(к 100-летию со дня смерти философа)

И. З. Шишков

В марте 1993 г. исполняется 100 лет со дня смерти французского философа, историка, писателя Ипполита Адольфа Тэна (1828—1893), историко-философская судьба которого сложилась в нашем отечестве не совсем удачно: он был обойден вниманием советских историков философии. Больше повезло И. Тэну в русской дореволюционной философской литературе: здесь он занимал достойное место и оценивался «как самый выдающийся во Франции представитель чистого позитивизма»[1].

Для историков философии фигура И. Тэна представляет значительный интерес в плане исследования места и роли его философии в становлении позитивистской традиции. Об истории позитивизма, истории становления позитивистского стиля философствования в советской историко-философской литературе написано достаточно много, и тем более странно, что в отношении И. Тэна до сих пор существует «историко-философский пробел». И этот пробел должен быть восполнен, если мы хотим иметь более полную и целостную картину истории позитивизма. Настоящую статью можно рассматривать лишь как первый робкий шаг на пути к этому.

Основную идею, которую хотелось бы провести и обосновать здесь, можно сформулировать следующим образом: в истории становления позитивистской традиции, в частности в формировании махистского варианта позитивизма, значительную роль наряду с другими факторами сыграла философская деятельность И. Тэна. Общеизвестно, что путь к позитивизму Э. Маха и Р. Авенариуса прокладывали Д. Юм, Дж. Беркли, представители «первого» позитивизма (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль), неокантианцы. Однако связь философских концепций данных мыслителей с философско-методологической парадигмой Маха и Авенариуса может быть «усмотрена» лишь в контексте гносеологической модели Тэна. Именно последняя и есть тот «мостик», который может быть перекинут на пути к философии махизма, служит своего рода основным связующим звеном между «первым» (классическим) и «вторым» позитивизмом.

В соответствии с логикой поставленной задачи, прежде чем рассматривать гносеологическую концепцию Тэна, мне следовало бы обратиться к основным «философемам» контизма и махизма, но здесь нет возможности специально на них останавливаться, поэтому я в дальнейшем ограничусь лишь рациональной реконструкцией гносеологической модели Тэна.

В истории европейской мысли Тэн широко известен прежде всего как создатель эстетической теории натурализма и культурно-ис-

© И. З. Шишков, 1993

торической школы, а как философ — лишь узкому кругу историков философии. В отечественной философской литературе как дореволюционного, так и советского периода нет однозначной оценки философского наследия Тэна. Так, русский философ А. Введенский определил философию Тэна следующим образом: «Что же касается теперь вопроса об идеализме или спиритуализме Тэна, то, ввиду полуматериалистического характера его психологии, сенсуалистического номинализма теории познания и эстетико-скептической метафизики и философии религии, следует признать, что философия Тэна есть не что иное, как колебание или компромисс между гегельянством и позитивизмом, хотя все же с преобладающим наклоном к этому последнему»[2]. В «Новейшем энциклопедическом словаре» (1926) автор статьи о Тэне относит его к школе английского эмпиризма[3]. Иначе определяет место Тэна в истории философской мысли А. Козлов: «Гораздо вернее и справедливее будет, если мы признаем в нем (т. е. в Тэне. — *И. Ш.*) замечательного представителя во Франции того современного нам направления в психологии, которое особенно прочно установилось в настоящее время в Германии под именем психологии физиологической, главным образом благодаря деятельности Вундта»[4]. Русский позитивист Н. Страхов в предисловии к книге Тэна «Об уме и познании» (1894) дает следующую оценку этому фундаментальному труду: «Сочинение Тэна принадлежит к философскому направлению — английская психологическая школа, чистый эмпиризм в приложении к исследованию души»[5]. В советской философской литературе большинство исследователей творческого наследия И. Тэна считают его последователем учения О. Конта[6]. О своей приверженности этому учению неоднократно заявлял и сам Тэн. Так, уже в одной из ранних своих работ «Этюды о французских философах XIX века» (1857) Тэн отнес себя к сторонникам позитивизма и восторженно провозгласил Конта, Спенсера и Милля величайшими мыслителями XIX в.

В философской системе Тэна, как и во всей позитивистской традиции, значительное место занимает теория познания, которой французский философ посвятил фундаментальный двухтомный труд «Об уме и познании» (1870, рус. пер. 1872). Следуя провозглашенному Контом лозунгу борьбы с метафизикой, Тэн направляет острие своего критицизма не вообще против метафизики, а против метафизики спиритуализма. По словам самого Тэна, по природе своего ума он имел инстинктивную склонность к абсолютной метафизике, и если и остановился «на ее пороге», то это можно рассматривать только как жертву его основному убеждению, что «научное знание может состоять только из опытных фактов и их законов»[7]. Причины явлений вовсе не составляют таинственного и недоступного мира, они сводятся к законам. Критикуя спиритуалистов и позитивистов по проблеме причины, Тэн пишет, что те и другие помещают причины вне обыкновенного, наблюдаемого мира и создают из них особый, необыкновенный мир с той лишь разницей, что спиритуалисты считают этот мир познаваемым, а позитивисты — непознаваемым. По Тэну, причина явлений заключается в самих явлениях, нет особой породы духовных существ, скрывающихся за

предметами, источник явлений — система законов, и задача науки — свести груду отдельных случайных явлений к одной исходной, всеобъемлющей аксиоме. Наука, знание, истина, по Тэну, касаются того, что «существует само по себе» или что реально. После изгнания метафизических «entites» (субстанций) и сил или способностей субстанции предметом науки должны остаться только «законы», факты, отношения. Мир есть груда фактов, связанных законами. Ни материи, ни духа, согласно Тэну, не существует, и вся реальность исчерпывается ощущениями и движениями. Материя есть метафизическая иллюзия, которая принимается в качестве первоначальных субстанций. Следуя Миллю, Тэн определяет материю как «постоянную возможность ощущений»[8]. Однако у Тэна материя есть не только возможность ощущений, но и «необходимость ощущений»[9]. Тэн находит эмпиризм Дж. Ст. Милля узким, потому что у него мир разрывается на отдельные клочки, не связанные никакой всеобъемлющей необходимостью, причинной или логической, без чего немыслима наука, как ее понимает Тэн. В отношении понимания материи Тэн близко сходится с Миллем и А. Бэном[10], считая единственной реальностью ощущение (это аналогично точке зрения Э. Маха, что «все "тела" суть лишь абстрактные символы для комплексов элементов (комплексов ощущений)»[11]. Всякое познание у Тэна не более чем соединение и упорядочение ощущений, а потому необходимо связано с нашим организмом как условием ощущений. На этом основании он отрицает возможность познания чисто духовного бытия. Тэн считает единственным содержанием познаваемого мира «факты» и «события», которые суть только различные более или менее сложные комбинации ощущений. «Мы быстро научаемся, — отмечает Тэн, — представлять себе Природу как составленную из этих групп возможностей ощущений»[12].

Что же является первоначальным источником всех наших идей? Становясь на позиции Локка и Кондильяка, Тэн считает, что этот источник заключается в опыте, внешнем или внутреннем. Согласно мнению Тэна, Кондильяк, сверх того, доказал, что деятельность элементов всякого восприятия, воспоминания, знания сводится к ощущениям или же к воспоминаниям об этих ощущениях. Тэн замечает: «Даже самые высокие наши идеи построены исключительно из этих материалов, потому что они все сводятся на знаки, которые сами суть не что иное, как особенного рода ощущения»[13].

Существуют два рода фактов — физические и нравственные. Физические факты Тэн усматривает в идее молекулярного движения в клетках и нервных центрах, нравственные — в идее ощущений; первые познаются внешним путем, вторые — внутренним, или путем прямого непосредственного осознания. При этом Тэн считает ощущения реальными событиями, а молекулярное движение есть знаки, символы ощущений.

Теория познания Тэна не отрицает реального существования вещей, и все же он называет ощущения субъекта «галлюцинацией». Элементами всякого познания выступают события как знаки, образы, ощущения. Какой смысл вкладывает Тэн в понятие «галлюци-

нация»? Есть два вида галлюцинаций: галлюцинация как таковая и правильная галлюцинация, или, выражаясь его языком, «истинная галлюцинация». «Образ, — пишет Тэн, — подобно ощущению, которое он повторяет, по своей природе есть галлюцинация»[14]. Галлюцинация есть ложное внешнее восприятие, а внешнее восприятие есть истинная галлюцинация, или иллюзия. Вряд ли можно согласиться с этим утверждением Тэна. Понятие «галлюцинация» никак не может быть приложимо к таким человеческим иллюзиям, в которые все люди поголовно впадают. Что небо со всеми светилами двигается ежесуточно вокруг Земли — это иллюзия, но вовсе не галлюцинация. По мнению Тэна, неважно, лежит ли в основе ощущений объективная реальность, или они являются чистой иллюзией: важна взаимная согласованность галлюцинаций — именно таким путем субъект отличает «истинную» галлюцинацию от «ложной». Ощущение — вот что лежит в основе всего. «Ощущение есть умственный представитель, внутренний знак внешнего факта, которым оно вызывается»[15]. Это высказывание Тэна вполне созвучно с мнением Э. Маха, что ощущение есть символ, знак внешних фактов. Всякое нормальное ощущение соответствует какому-нибудь внешнему факту, который оно передает с большей или меньшей точностью. В силу этого соответствия события и ощущения, составляющие элементы наших идей, естественно и наперед согласуются с вещами, что и позволяет впоследствии нашим идеям быть сообразными с вещами и, следовательно, истинными. На этом основании Тэн делает вывод, аналогичный принципу «экономии мышления» в концепции Маха и Авенариуса. «Итак, можно сказать, — отмечает Тэн, — что природа постаралась создать в нас представителей своих событий и достигла этого самым экономичным путем»[16].

Каким образом философ может избежать тех ошибок, в которые впадал спиритуализм? На этот вопрос Тэн отвечает своим учением о философском методе. Поскольку методология Тэна не оригинальна — он буквально повторяет общеизвестную методологию Милля[17], то я ограничусь лишь поверхностной характеристикой метода дедукции и индукции. По Тэну, есть два рода общих свойств или признаков. Общий признак — это признак абстрактный, причем он тем абстрактнее, чем более общ. Под общими признаками имеется в виду имя, обозначающее ряд подобных фактов. Мы мыслим абстрактные признаки вещей с помощью абстрактных имен. Первый род общих свойств является действительным, и соответствующие ему общие понятия приспособляются к нему постепенно; первый род общих свойств составляет предмет опытных наук, их связь определяется индуктивным путем. Второй род общих свойств суть только возможные и соответствующие им общие понятия, представляющие собой своего рода рамки, в которые могут включаться и иные действительные вещи: они составляют предмет теоретических наук, и их связи определяются дедуктивным путем[18].

Отправная точка индуктивного пути — объяснение и приобретение общих понятий. Благодаря исправлениям наши общие суждения приспособляются к вещам. Паре абстрактных, соединенных в

нашем уме общих понятий в точности соответствует пара абстрактных свойств, соединенных в природе.

Метод дедукции применяется в таких науках, как арифметика, геометрия. Этот метод имеет дело с общими предложениями, которые обязаны соответствовать своему предмету. «Предложения наук построения (т. е. теоретических наук. — *И. Ш.*), — отмечает Тэн, — не только вероятны, но и достоверны за пределами нашего малого мира»[19]. Среди общих предложений науки есть предложения, именуемые аксиомами, которые совсем не доказывают и с помощью которых доказываются остальные предложения. От достоверности аксиом зависит объем человеческих знаний. Тэн высоко ценил метод дедукции Милля: «Этой методе (методе дедукции. — *И. Ш.*) ум человеческий обязан своими главнейшими торжествами, ей мы обязаны всеми теориями, которые подвели сложные и обширные явления под несколько простых законов»[20].

Как складывается наше знание? На этот вопрос Тэн отвечает в следующей сжатой формуле: «Оно слагается из общих суждений, которые суть пары общих идей. Сами общие идеи суть знаки, присутствующие в уме, умственные образы. Умственный образ есть ощущение, самопроизвольно зарождающееся. Ощущение составляется из еще меньших ощущений — вот внутренняя и прямая точка зрения на сознание»[21]. По мнению Тэна, кроме этой точки зрения, есть другая, косвенная и внешняя, точка зрения чувств. В этом случае процесс познания есть обратный процесс по отношению к внутренней и прямой точке зрения на сознание.

Вот вкратце те основные моменты, которые характеризуют гносеологическую концепцию Тэна. Как видно из осуществленной выше реконструкции, весь исследовательский пафос Тэна заключается в бесстрастном объективизме. Если сравнить философию Тэна с классическим позитивизмом контовского толка, то можно увидеть, что первая не страдает тем грубым догматизмом, который присущ в целом философской доктрине Конта. Прямолинейность и догматизм последней слишком ярко обнаруживают несостоятельность философского позитивизма вообще. И тем не менее, как показывает проведенный анализ, в философии Тэна можно выделить две основные линии: контовско-миллевскую и махистскую, которую в какой-то мере предвосхитил Тэн. В духе как контизма, так и махизма звучат его тезисы: «Наши познания суть факты; можно говорить с точностью и подробностью об ощущении, об идее, о воспоминании совершенно так, как о некотором дрожании или физическом движении; в том и другом случае перед нами является факт. Материал всякой науки — единичные факты... Факты можно воспроизводить, наблюдать, описать. Явления, будучи различными по виду, одинаковы по своей природе и все сводятся к ощущению, само ощущение, рассматриваемое извне и косвенно посредством того, что называется внешним восприятием, сводится к группе молекулярных движений»[22]. Как у Тэна, так и Маха мир — это скорее не просто сумма ощущений, а функциональные отношения между элементами. На эту сторону онтологии Маха у нас обычно не обращают внимания, а ведь она является определяющей в филосо-

фии махизма. «Элементы являются ощущениями только в этой связи, в этом отношении, в этой функциональной зависимости (т. е. в связи, отношении и функциональной зависимости их от нашего Я.— *И. Ш.*). В другой функциональной зависимости они в то же время — физические объекты»[23]. Эта общность моментов, характерная для гносеологических систем Тэна и махизма, прослеживается и в таких основополагающих установках и принципах классического позитивизма, как «антиметафизичность», стремление описать мир согласно принципу «экономии мышления», агностицизм. Безусловно, число общих моментов этим не исчерпывается. Внимание здесь было сосредоточено в основном на наиболее значимых с методологической точки зрения установках и принципах.

Подводя итог, можно констатировать: основные философские и методологические установки махизма можно «усмотреть» уже в философской доктрине Тэна. Однако было бы ошибочно полагать, что в своей философской деятельности Мах и Авенариус ограничились лишь заимствованием основных установок классического позитивизма. Напротив, то, что у Конта, Милля и Тэна намечалось лишь как тенденция, в махизме уже сложилось во вполне завершенную систему взглядов.

[1] *Козлов А. А.* Французский позитивизм // Вопр. философии и психологии. М., 1893. Кн. 19. С. 57.

[2] *Введенский А. И.* Очерк современной французской философии. Харьков, 1894. С. 249.

[3] См.: Новейший энциклопедический словарь. Л., 1926.

[4] *Козлов А. А.* Указ. соч. С. 60.

[5] *Тэн И.* Об уме и познании / Пер. Н. Н. Страхова. СПб., 1894. С. IX.

[6] См.: История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли. М., 1967. Т. 3. С. 724—733; История эстетической мысли: Становление и развитие эстетики как науки. М., 1987. Т. 4. С. 93—94; *Дрондое Г.* Французский позитивизм второй половины XIX века (И. Тэн и Эрнест Жозеф Ренан) : Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1962.

Как исключение можно рассматривать позицию А. Г. Чиковани, согласно которой «философскую модель И. Тэна невозможно всецело отнести к позитивистской философии О. Конта и Дж. Ст. Милля», поскольку они расходятся в определении целей и задач философии, в вопросе о возможности познания мира на уровне сущностей. См.: *Чиковани А. Г.* Философско-эстетические взгляды И. Тэна: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тбилиси, 1979. С. 6—8.

[7] *Тэн И.* Французская философия первой половины XIX века: Пер. с 6-го фр. изд. Под ред. Е. Васьковского. СПб., 1896. С. 8.

[8] *Тэн И.* Об уме и познании. С. 276.

[9] Там же. С. 272.

[10] Бэн Александер (1818—1903), англ. психолог, представитель ассоциативной психологии.

[11] *Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психическому. 2-е изд. М., 1908. С. 45.

[12] *Тэн И.* Об уме и познании. С. 275.

[13] *Тэн И.* Происхождение общественного строя современной Франции. Спб., 1880. Т. 1. С. 246.

[14] *Тэн И.* Об уме и познании. С. 233.

[15] Там же. С. 154.

[16] Там же. С. 155.

[17] Подробнее о философском методе Дж. Ст. Милля см.: *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. 2-е изд. М., 1914.

[18] См.: *Тэн И.* Об уме и познании. С. 406.
[19] Там же. С. 420.
[20] Там же. С. 415.
[21] Там же. С. 502.
[22] Там же. С. 9.
[23] *Мах Э.* Указ. Соч. С. 35.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДИДРО И Д'АЛАМБЕРА И ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В. М. Богуславский

«...Единственные причины общественных бедствий и разложения правительства» заключаются в том, что попираются «естественные, неотчуждаемые, священные права» всех людей.

«Декларация прав человека и гражданина», принятая Учредительным собранием Франции 26 августа 1789 г.

«Декларация прав человека и гражданина», торжественно объявившая, что государственная власть принадлежит не монарху, не какому-нибудь сословию, а всей нации, что эта власть «учреждена на пользу всем, а не для личной пользы тех, кому она поручена» (ст. 12), провозгласившая не только равенство политических прав всех граждан, но и их свободу — «свобода обмена идеями и мнениями является одним из самых драгоценных прав человека» (ст. 11), «никто не должен быть преследуем за свои убеждения» (ст. 10), — по сути дела полностью отменяла основы феодально-абсолютистского строя. Учредительное собрание могло принять эту декларацию только потому, что ему в первые месяцы 1789 г. предшествовали многочисленные бунты в различных провинциях страны (в Пуату, Бретани, Турени, Орлеане, Нормандии, Иль-де-Франсе, Пикардии, Шампани, Эльзасе, Бургундии, Ниверне, Оверни, Лангедоке, Провансе), в Париже и его окрестностях и, наконец, 14 июля — разгром Бастилии. Хотя восставшие при этом всегда прежде всего выступают против феодальных податей и повинностей, но наряду с социально-экономическими требованиями они все чаще выдвигают требования политические. «Начиная с января в этих бунтах слышится уже крик: "Да здравствует свобода!"»[1]. Образ действий участников этих массовых народных выступлений не оставляет сомнений в том, что в их умах место ряда старых, столетиями царивших представлений и убеждений заняли новые, во многом совершенно от них отличные взгляды и убеждения.

В том, что новые радикальные идеи на протяжении XVIII в. проникали в сознание все более широких слоев французского общества, огромную роль сыграли появившиеся еще до Энциклопедии произ-

© В. М. Богуславский, 1993